

ДЕВЯТНАДЦАТОЕ февраля 1989 года, Болонья, городской театр — Театро Комунале. Идет «Бал-маскарад». Знаменитый финал: Ричард умирает в объятиях Амелии. Кажется, и публика умирает вместе с ним, исходит аплодисментами, криками, водопадом цветов. Лучано Паваротти кланяется, сжимает руки, весь подается вперед, к благодарному партеру. В эти минуты он похож на папу римского, он кажется великим и смиренным перед этим людским океаном. Лучано Паваротти, певец-легенда, может быть, единственная в своем роде. И может быть, последняя.

Артистическая уборная. «Входите, входите, какая радость, что вы пришли...» «Легенда» утопает в желтых подушках просторной софы. Недавно он сбросил тридцать семь килограммов. Похудел. Смуглое лицо вытянулось, глаза стали больше, даже борода, кажется, поредела. Легонько подпрыгивает на подушках: «Правда, как воробышек, а? Да или нет?» Нет. Вспоминаю, что он все время упорно отказывался петь «Отелло». А ведь именно он мог быть самым замечательным, самым правдоподобным мавром из всех когда-либо существовавших. В гримуборную продолжает паломничество: друзья, старые и новые, тенор Раймонди, актриса Валерия Мориконе. Входит мать, маленькая, кругленькая, живая. «Мамочка, скажи, я у тебя молодец?» Встает, обнимает маму, источает немыслимое тепло. Кажется, его огромная слава притягивает его к этой земле, не дает потеряться, улететь, исчезнуть.

Нет, это не артистическая уборная Лучано Паваротти, это свой маленький мир, вместивший весь его родной город — Модену. Это его земля, его правда.

— Маэстро, успех поистине головокружительный! Всесобий восторг! А правда ли, будто вы сказали однажды, что если бы вам пришлось выбрать одну-единственную партию — и петь ее всю жизнь до конца дней — вы выбрали бы Ричарда из «Бал-маскарада»?

— Да, потому что в итальянской музыке нет ничего более прекрасного, чем дуэт из этой оперы. В «Бал-маскараде» есть все: жизнь, любовь и даже смерть — здесь же, на сцене. Запомните: именно смерть делает оперу незабываемым произведением.

— Словом, можно сказать, что именно «Бал-маскарад» Верди самая любимая опера Паваротти?

— Психологически я очень близок к герою из «Любовного напитка». Не morino немного комичен и немного патетичен, — такое в жизни бывает часто. Этот деревенский парень совсем не глуп. И это тоже встречается на каждом шагу. Ну вот, могут сказать, будто Паваротти думает, что и сам похож на этого героя.

— Значит, Рудольфа из «Богемы» вы отвергаете. А ведь именно в этой опере вы пели чаще всего...

— Как это отвергаю Рудольфа? Он такой же, как я, он романтик, он простой человек. И вообще «Богема» была моей «первой любовью». Я дебютировал в этой партии в театре Реджо Эмилии, дирижировал Молинари Праделли... И на сцене «Ла Скала» я выступил впервые именно в этой опере. С тех пор она у меня в крови. Увидите, ее вывезут на Луну, ее будут петь перед марсианами, естественно, переодевшись в их одежды. Она бессмертна и она останется всегда: романтическая любовь во все времена одинакова, она не меняется.

— А вот вы меняетесь. Так по крайней мере говорят критики... Потерял ли что-нибудь голос Паваротти за последние годы?

— Ох уж эти критики... Конечно, с годами голос меняется, — это естественный процесс. Но это вовсе не значит, что голос должен что-то потерять. Более того. Послушайте, что я вам скажу: сегодня мой голос стал богаче оттенками, красками, что ли — раньше их было меньше. В моем репертуаре сегодня многие оперы — от «Сомнамбулы» до «Аиды» и «Турандот». Вам это кажется мало? Может быть, моему горлу теперь не под силу самые высокие ноты, но ведь сегодня считают, что они вообще неуместны, и я с этим согласен.

— Вы намекаете на то, что верхнее «до», которое великий критик Челетти называет предсмертным криком умирающего под ножом каплуна?

— Челетти лишь повторил остроумную шутку Россини. Когда я говорю о сверхвысоких нотах, то имею в виду ре-бемоль — эту ноту приходится держать в «Пуританах». Здесь певец буквально балансирует на острие ножа. Что же до верхнего «до», то мне приходилось брать эту ноту.

«ЗВЕЗДЫ» МИРОВОЙ ОПЕРЫ

Пожизненный тенор Лучано Паваротти

В «Ковент-Гардене» в 1966 году в опере «Дочь полка» я взял ее девять раз. После этого передо мною открылись двери оперных театров Америки. Потому что до меня ни одному современному тенору не удавалось это сделать.

— Стало быть, вы вообще самый лучший тенор в мире?

— Ну что вы! Можно быть хорошим тенором, и не умея брать высокие ноты. Вот вам пример — Карузо. Хотя, по правде говоря, с течением времени он научился этому. Умение брать высокие ноты абсолютно не зависит от дарования певца, это дело техники. Когда мне нужно брать высокую ноту, у меня это получается автоматически, я об этом даже и не думаю.

— Какой бы совет вы дали молодому начинающему тенору?

— Я бы сказал: пой в «Риголетто» и в «Сомнамбуле». Это должно стать главным делом твоей жизни. Ни «Отелло», ни «Зигфрид» не покажут, чего ты стоишь на самом деле.

— Маэстро, а какую музыку вы предпочитаете?

— Думаю, что моему горлу больше всего нравится Донизетти, — ведь природа одарила меня лирическим голосом, подходящим для бельканто.

— И вы никогда не заставите себя исполнить такую драматическую и «варварскую» партию, как «Отелло»?

— Да, я всегда говорил, что «Отелло» — не моя роль, что я никогда не буду петь эту партию. Однако теперь я, кажется, начинаю сдаваться.

— Говорят, что вы решили сдать-ся, только чтобы досадить Плачидо Доминго.

— Если я когда-нибудь спою «Отелло», то досажу этим только самому себе. Поверьте мне.

— Однако Плачидо остается для вас ненавистным существом?

— Так уж и ненавистным? Все это — явное преувеличение. Я думаю, что Плачидо — великий тенор, но мы с ним слишком разные. Хотите, я вам расскажу забавную историю. У меня есть друг, мясник. Так вот, несколько лет назад я и Доминго — мы оба пели в «Тоске». Мой друг выпустил в продажу бифштексы, которые назвал так: «бифштекс Паваротти», «бифштекс Доминго». Я купил бифштекс Доминго. На следующий день пришел к мяснику и сказал: «Бифштекс Доминго очень хорош». А он в ответ: «Бифштекс Паваротти тоже хорош, но больше по размеру».

— Когда тенор разговаривает, голос становится ным?

— Конечно. Ведь, когда говоришь, высокие ноты не используешь. Если дома звонит телефон и беру трубку, то меня обычно просят: «Простите, ваш муж дома?» У Стефано в «обычной жизни» голос был хриловатый, а Дель Монако кудахтал, как курица. — Кстати, о курицах. Говорят, что

вы совсем не едите куриное мясо и что вы придерживаетесь какой-то жесточайшей диеты и потеряли уже тридцать семь килограммов. Что вы не только знамениты, но теперь стали еще и красивым.

— Красивым? Не знаю. А худею ради искусства. Иначе как бы я смог исполнить партию изысканного Вертера, не вызывая хохота у всего света? Что же до диеты, то страдаю не оттого, что не ем курятины. Мое любимое вино ламбруско, которое производят в моей родной Модене, сейчас мне категорически заказано.

— Модена очень помогла вам стать певцом?

— Да, этот город погружен в туманы, от которых голос становится мягким. А вот ламбруско помогает быть неизменно веселым. У меня часто спрашивают, почему я пою? Потому что не могу иначе. Мой отец тоже пел. У него тоже был волшебный голос, раз в сто лучше моего. Но перед карьерой певца он испытывал страх. То же самое я могу сказать о моем парникахере, о соседском пекаре, у них тоже были прекрасные голоса. Но если у тебя нет железных нервов, певцом никогда не станешь.

— Маэстро, что значит для вас петь в опере?

— Могу сказать, что опера похожа на лошадиные скачки с препятствиями. Дистанция одинакова для всех, но всегда находится тот, кто пройдет ее первым. Вот почему мне нравится ездить верхом.

— Вам нужна не лошадь, а динозавр.

— Смейтесь, смейтесь. Знаете, сколько оперному певцу нужно умения, если он толстый! Ведь он должен сам забыть о полноте и заставить других это сделать! Должен стать легким и воздушным, как перышко. И такой легкости добился, потому что

много лет занимаюсь спортом. В свое время подавал большие надежды, когда играл полусреднего в футбольной команде «Лепанто». Спорт — это fortuna. Именно поэтому я строю сейчас стадион в моем родном городе Модене. А вокруг него большой спортивный центр. Здесь будут проходить конные соревнования, а также устраивать различные культурные мероприятия. Я назову комплекс своим именем. Думаю, что эта моя мечта будет реализована в 1992 году.

— Вам помогут в этом ваши огромные заработки. Мэр бразильского города Сан-Пауло клянется, что отказался от вашего концерта, потому что он «стоил» 400 тысяч долларов.

— У мэра Сан-Пауло, наверное, был солнечный удар. Я буду петь в этом городе, и уж, конечно, не за такие огромные деньги.

Поговаривают, что никто не получает столько, сколько я? Могу ответить на это, что никто так, как я, и не рискует. А вот тот, кто меня напоминает, не подвергается никакому риску. Мой ближайший концерт будет в Лондоне, и на него уже продано двенадцать с половиной тысяч билетов.

— Вы также исполняете песни. И это расценивается как уступка доходному миру эстрадной песни.

— Музыка для меня одна, я не делю ее на легкую и на тяжелую. И потом специально для Карузо была написана песня «Лолита», для Джильи — «Мама», для Скипы — «Жить». Почему же тогда песня «Карузо», которую написал современный композитор Далла, расценивается как «уступка» миру бизнеса? Это прекрасный мотив, шедевр, и я рад, что исполнил его.

— Поскольку эстрадные песни вызывают у вас такой энтузиазм, может

быть, есть певец или певица, с кем вы хотели бы петь вместе?

— Это большой секрет, но вам я его открою. Мне бы хотелось спеть с Миной. Она мне очень нравится. Я ею просто восхищаюсь.

— Маэстро, какой день был для вас самым счастливым?

— Двенадцатое октября 1980 года. В этот день я, наряженный в костюм Христофора Колумба, ехал на лошади по нью-йоркской Пятой авеню. В тот день Америка отмечала годовщину открытия своего континента, и я возглавлял праздничную процессию. А Картер шел сзади меня, да еще пешком. А потом еще помню дни и ночи счастливой любви.

— Любовь. Говорят, что, когда вы видите новую женщину, не важно, старую или молодую, то сразу зажигаетесь.

— Я вырос среди женщин. Меня окружали мать, бабушка, тетки. Я впитал в себя воздух, напоенный женским обаянием. Может быть, отсюда и моя лиричность, мягкость...

— Кто, по вашему мнению, самый великий тенор нашего века?

— Карузо, в этом нет никакого сомнения.

— А кто самый любимый?

— Для меня — Скипа. Я ему многим обязан. В голосе у него не было ничего необыкновенного, но его музыкальность все искупала. Диски Тито Скипы были для меня чем-то вроде Библии.

— А кого вы назовете наследницей Каллас?

— О господи, если я это сделаю, то обиду многих. Сатерленд, Кабалье, наша Мирелла Френи — это все прекрасные певицы. Но у Каллас нет наследницы. Ни в Италии, ни где бы то ни было. И не должно быть. У каждого певца своя история и своя индивидуальность. Мария Каллас — это было нечто неповторимое. И все, кто пытался ей подражать, плохо кончили.

— Мирелла Френи... Вы выросли вместе. Многие годы она является оперной дивой.

— Мирелла многого добилась сама, хвалила и лелеяла свой голос. Эта удивительная женщина добилась огромного успеха.

— Когда человек становится мифом, легендой, что надо сделать, чтобы не потерять себя?

— Миф, легенда — это идиотизм, говорил Моцарт. Что же касается меня, то успех позволил мне чувствовать себя свободнее, раскованнее. Когда стоишь перед зрительным залом, то единственное, что тебя занимает, — как донести до людей великие музыки, которую должен исполнить. Хотя иногда удается сделать нечто большее.

— Что же именно?

— Может быть, вам это покажется слишком амбициозным, но даже самый прекрасный музыкальный отрывок нельзя рассматривать, как нечто законченное. Если ты исполнил его хорошо, ты становишься как бы частью этой музыки, частичкой самого композитора, ее создавшего. Но это не все. Такие певицы, как, например, Каллас, как Гобби, прибавляли к произведениям, которые они исполняли, нечто такое, что даже сам автор не мог прибавить.

— Вы сказали, что в Америке музыкант может раскрыться лучше всего.

— Мы, итальянцы, очень отстаем в музыкальном образовании. И потом в Америке тот, кто поет, должен сам доказать свое умение. А у нас все зависит от расположения начальства.

— Кому из двух известных дирижеров вы отдаете предпочтение — Мути или Аббадо?

— Невозможно выбирать между двумя гигантами. Напомню вам фразу, которую любят повторять критики: «Есть два вида дирижеров: один — это Караян, а другой — все остальные».

— Челетти говорил о вас, что вы — наследник Джильи и что после Паваротти настоящих теноров не будет.

— Челетти не был критиком, он был учителем и был излишне строг. Что до меня, я не теряю надежды. Я организовал конкурс молодых певцов, который пройдет в Филадельфии. Думаю, что мы сможем открыть на нем новые голоса, новые таланты.

● Лучано Паваротти — на сцене и в жизни...

По материалам итальянского еженедельника «Эуропео» подготовила Л. Филатова.